

Е. А. Легенькова, Т. С. Тайманова

Кто автор «Обнаженной России»?

Легенькова

Елизавета

Александровна,

кандидат

филологических наук,

заведующий

кафедрой немецкого

и романских языков,

Санкт-Петербургский

гуманитарный

университет

профсоюзов

(Санкт-Петербург)

Тайманова Татьяна

Соломоновна,

доктор

филологических наук,

профессор,

Санкт-Петербургский

государственный

университет

(Санкт-Петербург)

Вопрос, вынесенный в заглавие этой статьи, возник у ее авторов при прочтении работы французской исследовательницы Жанин Вердес-Леру «Борис Суварин: социализм и факты»¹. В разделе «Советизм не есть социализм» автор пишет: «Такое высказывание прекрасно передает состояние мыслей Суварина, которое приведет его к написанию в 1929 году „Обнаженной России“, работы, никогда не переиздававшейся. Эта книга, опубликованная под именем Панаита Истрати — в иллюзорной надежде лучше донести до читателя жестокие истины, — хорошо документированный, тщательный и подробный отчет о повседневной жизни в СССР»². Возникает вопрос, как мог Суварин подписать свою книгу именем живого и известного в то время писателя Панаита Истрати, и что означает замечание «лучше донести до читателя жестокие истины». Ответ нашелся в воспоминаниях Б. Суварина, опубликованных в американском ежеквартальном политико-культурологическом журнале левого толка «Диссент» («Dissent»)³.

Имя Бориса Суварина (5 ноября 1895 г., Киев — 1 ноября 1984 г., Париж), автора нашумевшей в свое время книги «Сталин» (1935)⁴, написанной по-французски и переведенной в единственном экземпляре на русский язык, в России не пользуется широкой известностью. На протяжении XX в. по понятным причинам его фигура привлекала внимание исследователей только на Западе, в среде русской эмиграции и среди советологов во Франции, в Англии и США⁵. Незаурядная личность Суварина, пережившего многие тяготы, выпавшие на долю поколения, так или иначе оказавшегося связанным с русской революцией, мировым коммунистическим движением, а впоследствии с диссидентством, давно нуждается в более пристальном внимании со стороны российских исследователей.

Сын киевского еврея Калмана Лившица, эмигрировавшего в Париж в 1900 г., воспитанный на французской почве, заинтересовался рабочим движением и в 1914 г. вступил во французскую секцию

Рабочего Интернационала. Однако следует заметить, что Суварин, сам причислявший себя к марксистам, был очень мало знаком с теорией Маркса. Как пишет Ж. Верде-Леру, «в начале своего пути Суварин очень мало знал марксизм...»⁶; и «когда говорят о Борисе Суварине, необходимо подчеркнуть, что для него опыт имел первостепенное значение; он не был рафинированным теоретиком, ревизионистом, еще меньше — идеологом. Все его внимание привлекали факты»⁷. Другой французский ученый, специалист по литературе французского социалистического движения Жак Виар, анализируя генезис политической мысли Суварина, утверждал, что в ее основе лежит французский утопический социализм в духе Леру, и писал: «Борис Суварин утверждал, что был коммунистом, в том смысле, который Жорес придавал этому слову в начале века. То, что он защищал в противовес И. В. Сталину, Л. Д. Троцкому, ленинизму, энгельсовской „диалектике“ и то, что передал Симоне Вейль, — это традиция, которая послужила основой для союза Бернара Лазара, Жореса, Андлера, Фурньера и Пеги»⁸. Из приведенных высказываний становится более или менее очевидным, почему Суварин, будучи одним из основателей Французской коммунистической партии, входя в ее руководство, стал одним из первых «раскольников».

В силу своей деятельности Суварин имел возможность наблюдать советскую реальность своими глазами, поскольку в 1921 г. был откомандирован в Москву в аппарат Интернационала и провел там около трех лет. Но в 1924 г., как сторонник Троцкого против Сталина, был снят со своих постов в Коминтерне и в январе 1925 г. успел вернуться во Францию, сумев избежать ареста. Однако, находясь уже в Париже, он продолжал беседовать и переписываться с видными деятелями международного коммунистического движения и сохранил связи с русскими товарищами. Суварин был не только одним из очевидцев развития русской революции, но и проницательным наблюдателем постреволюционных событий, оставившим яркие свидетельства о продолжающем привлекать внимание исследователей периоде советской истории в межвоенное двадцатилетие. Отметим, в частности, что западные исследователи квалифицируют Суварина как историка — исследователя международного коммунистического движения, опубликовавшего завещание Ленина⁹, и как политического аналитика, который первым предсказал пакт Молотова–Риббентропа за сто дней до его подписания (статья Суварина «Решающая партия разыгрывается между Гитлером и Сталиным» / «Une partie serrée se joue entre Hitler et Staline» была опубликована в газете «Фигаро» 7 мая 1939 г.)¹⁰.

Почувствовав глубокое расхождение сталинской политики со своими идеалами, он стал выступать сначала как троцкист (хотя и с Троцким у него были расхождения). В результате в 1924 г. он был исключен из Французской коммунистической партии. Его считают французским политическим деятелем и писателем, а также историком, но в значительной мере его деятельность была связана с Россией и с осмыслением ее революционного опыта. Интеллектуальная эволюция Суварина, пришедшего к отказу от коммунизма, представляет значительный интерес. Как справедливо отметил С. Зенкин, говоря о левых интеллектуалах, к ко-

торым, по нашему мнению, бесспорно, принадлежал и Б. Суварин, это «не просто маргиналы, скромно прозябающие на задворках общества; обычно это, напротив, первостепенные деятели культуры, которых она одновременно отторгает (по мотивам или чисто эстетическим, или общественно-политическим), и пытается реинтегрировать... Сами они тоже двойственно относятся к господствующей культуре: чтобы отречься от нее, нужно добиться в ней совершенства, и даже избрав себе удел Иного, они продолжают вести с ней сложную игру соперничества, критики, провокации, продолжают включаться в нее в качестве исключенных»¹¹.

После Международной выставки современных декоративных искусств и ремесел в Париже в 1925 г., где павильон СССР был местом притяжения и повышенного интереса благонамеренной левобуржуазной французской интеллигенции, наблюдается увеличение поездок в СССР журналистов и писателей. Комиссар выставки профессор П. С. Коган (1872–1932) и его секретарь М. Н. Кудашева, ставшая впоследствии женой Ромена Роллана, приложили немало усилий к привлечению более или менее известных французских писателей и журналистов к поездке в новую Россию. Близилось празднование десятилетия Октябрьской революции, и в ближайшие после выставки годы советскую Россию посещали многие представители левой интеллигенции. Среди них были, например, журналисты А. Фабр-Люс¹², А. Виоллис¹³, А. Беро¹⁴, высказавшиеся достаточно жестко и не оправдавшие надежд приглашавшей стороны, писатели Ж. Дюамель¹⁵, Л. Дюртен¹⁶, оставившие более компромиссные свидетельства, и Панаит Истрати¹⁷, речь о котором пойдет чуть позже. В. Беньямин, сам в 1926–1927 гг. посетивший Москву и оставивший свои впечатления, большей частью критические, в «Московском дневнике», сохранившемся среди архивных материалов, и составившие основу эссе «Москва», достаточно пронизательно писал о настроениях «благонамеренной левобуржуазной интеллигенции» в отношении новой России. Не останавливаясь подробно на книгах Беро, «проложившего путь для той лжи, которая распространяется о России», или Фабр-Люса, «который неуклюже, как добропорядочный осел, следует за ним», В. Беньямин называет «проблематичной» «даже типично компромиссную книгу Дюамеля», которую считает наглядным примером того, как левый интеллигент не умеет преодолеть «смущение» перед увиденным и, в силу незнания языка, увидеть в полной мере суть явления. Объяснение противоречия между «благими намерениями» таких путешественников в Россию и их «предательством» в отношении революции он видит в том, что «типичным для подобной левой французской интеллигенции — точно так же, как и для соответствующей русской, — является то, что ее позитивная функция целиком и полностью исходит из обязательств не перед революцией, а перед унаследованной ими культурой. Их общее достижение, в той мере, в какой оно позитивно, приближается к сделанному консерваторами. Но с политической и экономической точек зрения все время придется считаться с опасностью саботажа с их стороны»¹⁸. Собственно, любые записки западных путешественников, побывавших в новой России, вызывали в Европе неподдельный интерес, но и всегда оценивались

современниками крайне неоднозначно. Неслучайно Р. Мартен дю Гар писал Ж. Дюамелю, автору «Московского путешествия»: «Вы сами говорили и неоднократно, что для вас тамошний воздух невыносим... Но вы не говорите, что этот воздух невыносим сам по себе для всего цивилизованного человечества и что этот восхитительный эксперимент уже пахнет ошибкой... Мне, как и вам, дорогой друг, отвратительна ложь капиталистической прессы. Но, может быть, правда и то, что нужно защищаться от этой смертельной болезни во имя духа и что для нас, „клириков“, снисходительность может оказаться „предательством“»¹⁹. Для многих, кто именовал себя левыми интеллектуалами и стремился постичь новый для себя и издали вызывавший энтузиазм социальный опыт, главное и неразрешимое противоречие, ставшее поводом для глубокого разочарования, заключалось в несоответствии ожиданий и опровергающей их жестокой действительности.

Не был исключением и Панаит Истрати (1884–1935), известный в то время франкоязычный писатель румынского происхождения, часто именуемый балканским Горьким, с которым Суварина связывали дружеские отношения²⁰. В своих воспоминаниях Б. Суварин описывает свою встречу с Истрати перед его отъездом в Россию: «Вечером в середине октября 1927 года в ресторане „Казенав“ на улице Буаси д'Англе в Париже ужинали три друга. Это были Кристиан Раковский, советский посол во Франции, Панаит Истрати, румын, писавший по-французски и побывавший, до того как стать писателем и получить известность благодаря своему первому роману „Кира Киралина“, маляром, безработным бродягой и удивительным фотографом, и я сам. <...> Я расскажу неизвестную историю о трехтомной книге Истрати о советском коммунизме: первом томе „Vers l'autre flamme: après seize mois dans l'URSS“; втором — „Soviets 1929“; и третьем — „La Russie nue“ (все они вышли в Париже в издательстве „Rieder“ в 1929 году)»²¹.

Осенью 1927 г. Панаит Истрати вместе со многими другими европейскими писателями был приглашен советскими властями на празднование десятой годовщины Октябрьской революции. Ему удалось вместе с греческим писателем Никосом Казандзакисом (1883–1957) объездить почти всю Россию. В частности, он побывал в Молдавии, где говорил по-румынски с молдавскими рабочими. В общей сложности он провел в России около полутора лет (с 15 октября 1927 г. по 15 февраля 1929 г.).

Вернувшись во Францию в 1929 г., Истрати, имея договор с издательством «Ридер», должен был написать книгу о своих советских впечатлениях. О них он рассказал французской журналистке Магдалине Маркс²², которая опубликовала интервью в парижском социалистическом журнале «Contre le Courant» № 23 под заголовком «Истрати говорит». В этом интервью Истрати попытался объяснить резкую смену своей позиции в отношении большевистского режима в России. Он писал: «Только в последние три месяца моего пребывания чары рассеялись, пелена упала с глаз, истинная ситуация, очевидная любому порядочному человеку, открылась мне во всей своей жестокости»²³. Затем Истрати получил письмо Ро-

мена Роллана, в котором тот советовал ему молчать (не публиковать письма в ГПУ в защиту Русакова). Совет Ромена Роллана привел Истрати в смятение. Ромена Роллана можно в какой-то степени назвать духовным отцом Истрати, это он внушил молодому румынскому эмигранту, только начинавшему писать по-французски и полному сомнений в своих силах, веру в правильность избранного пути. «Во всяком случае, вы можете верить в себя, ваше призвание художника очевидно. Вы были бы, и вы есть писатель, на каком бы языке вы ни писали»²⁴. Неслучайно Истрати боготворил Роллана и признавался: «Я его создание, мне необходимо было его уважение, чтобы я смог прожить мою вторую жизнь, и ради этого теплого, дружеского уважения он просил меня писать»²⁵.

Как пишет Суварин, оставивший наиболее яркие свидетельства об Истрати в своих воспоминаниях, «и пятьдесят лет спустя я не могу без изумления перечитывать это письмо (письмо Роллана. — *Е. Л., Т. Т.*). Роллан находит два патетичных и наивных письма Истрати «превосходными», но добавляет, что «Вы не должны стремиться публиковать их прямо сейчас, и, конечно, не у друзей Бориса и Сержа (Борис Суварин и Виктор Серж. — *Е. Л., Т. Т.*)». И он добавляет: «Эти страницы священны. Они должны сохраниться в анналах вечной Революции, в ее книге отзывов (здесь Суварин возмущенно ставит знак “sic”. — *Е. Л., Т. Т.*). Мы еще больше любим Вас за то, что вы написали их, но не публикуйте!» «Другими словами, — пишет Суварин, — не говорите правды, публика ждет, что ее будут дурачить, народ нуждается в религии, башка пролетариата должна быть забита правильными идеями»²⁶.

И все-таки на почтовой открытке от 20 августа 1929 г. Истрати написал Ромену Роллану о своем решении публиковать книгу: «Друг, я устроил скандал... *Aléa Jacta est*»²⁷. С одной стороны, Истрати не мог молчать, с другой — ему трудно было пойти против совета своего кумира. Ситуация затруднялась еще и тем, что договор с «Ридер» следовало выполнять, и он уже заплатил Виктору Сержу²⁸ за подбор материалов, которые собирался использовать в книге. После запрета Роллана он вначале думал отказаться от своего замысла и опубликовать от своего имени под названием «Советы в 1929 году» только досье Виктора Сержа, продолжавшего оставаться в России и тем самым подвергавшегося риску дополнительных репрессий.

Своими планами он поделился с Сувариним. Тот стал возражать, аргументируя это тем, что публика ждет текст Истрати. Нужно заметить, что сам Суварин многие годы собирал факты из советской прессы, «показывающие действительное положение рабочих при пресловутой „диктатуре пролетариата“», и делал вырезки из всех доступных ему советских газет: не только «Правды» и «Известий», но и из «Труда», «Вечерней Москвы», «Рабочей газеты», «Бедноты», «Красной газеты», «Зари Востока», «Харьковского пролетария» и других, причем обращая внимание не на передовицы, а на последние страницы, обычно не пользовавшиеся вниманием большинства журналистов²⁹. Этот материал был замечательной документальной иллюстрацией к впечатлениям Истрати, и тот прекрасно это понимал. Предложив написать пресловутую книгу Суварину и получив отказ, после долгих сомнений Истрати предложил Виктору Сержу

и Суварину объединить усилия и издать под его именем три книги — его собственную («К другому пламени, исповедь для побежденных» — «Vers l'autre flamme, confession pour vaincus»), компиляцию Виктора Сержа («Советы 1929» — «Soviets 1929») и те материалы, которые подготовил Суварин («Обнаженная Россия» — «La Russie nue»). Как считает Сьюзан Вайсман, Истрати подписал все книги своим именем, чтобы помочь им увидеть свет. Она цитирует Истрати: «Я хочу, чтобы голоса моих друзей были услышаны как можно большим числом людей, чтобы по крайней мере вызвать ту дискуссию, которая сейчас запрещена в СССР, и попытаться сохранить коммунистический Интернационал»³⁰.

Суварин признается, что он не читал «Советы 1929» до их выхода в свет. И к его великому удивлению, это оказалась не та компиляция документов В. Сержа, о которой говорил Истрати, а текст, написанный от первого лица и подписанный Истрати. Суварин подчеркивает, что книга была написана в троцкистском духе и «по сути ничто не отличало ее от официальной советской догмы, так как троцкисты сами утверждали на съезде партии 1927 года: „У нас нет никакого несогласия с партией ни по одному принципиальному вопросу“»³¹. Совсем иначе выглядел текст самого Суварина, названный «Обнаженная Россия». Как писал он сам, «мой обезличенный текст был полностью иным, в основном это было собрание неоспоримых фактов, взятых из официальной прессы. Он состоял из описания советского общества, которое доказывало несостоятельность всяких банальных представлений относительно режима. Вырезки из газет были отобраны согласно их общей разоблачительной значимости. Они противоречили ленинской теории об отмирании государства и полицейского произвола, о действующей армии и бюрократии, а также и его теории свободы печати. Они доказывали, что советская практика предала программу Октябрьской революции»³². Относительно своей роли Суварин подчеркивает, что не пытался повлиять на форму книги Истрати, в чем его обвиняли как сталинисты, так и троцкисты. Он делал ставку скорее на эффект, произведенный сочностью и естественностью собственного стиля Истрати. Его собственное вмешательство, как считал Суварин, ограничивалось тем, что он пытался указать своему товарищу, очарованному путешествием по Волге, что величие этой реки и красота ее пейзажей — это дело рук природы, а не большевиков, а роскошь его парохода сохранилась от старого режима.

Завершая непростую историю этой книги, Суварин пишет о последовавшей на нее реакции. Основная ее направленность была отражена в статье уже упоминавшейся здесь журналистки Магдалены Маркс, опубликованной все в том же троцкистском «Contre le courant». Статья была озаглавлена «Нет, Истрати», и призывала его вернуться в лоно марксизма, основополагающей догмы как для троцкистов, так и для сталинистов. Как иронично замечает Суварин, к несчастью для нее, бедный Истрати не имел ни малейшего представления о его (марксизма) сути³³. От сталинской прессы, которая, конечно, кипела ненавистью, окрашенной глубоко личной обидой на пригретого ими западного коммуниста³⁴, не отставала и за-

падная левая пресса, клеймившая Истрати как наемника румынской охраны (*Siguranza*) и «романтического буржуа», хотя и правые нашли в чем упрекнуть Истрати — в отсутствии твердой критики³⁵. Еще больший ушат грязи на Панаита Истрати вылил Анри Барбюс, которого Суварин назвал «шлюхой советского режима» и чью книгу «Сталин» он считал тошнотворной³⁶. Гораздо трагичнее для Истрати был разрыв с Роменом Ролланом, чье поведение оказалось едва ли не таким же низким и достойным сожаления, как у Барбюса. Суварин пишет, что «Моральный и интеллектуальный коллапс этого бывшего мыслителя-индивидуалиста, принявшего сталинизм, становится очевидным (среди прочего) в его письме к Жану Геенно, которому он пишет, что соавторы советской трилогии спрятались за именем Истрати»³⁷. Этот разрыв был очень болезненным для Истрати, и дело было не только в отношении Роллана к книге, но в его абсолютно загадочной, по мнению Суварина, приверженности сталинизму. «Понадобился все более кровавый деспотизм генерального секретаря, чтобы Ромен Роллан сблизился с Москвой и чтобы этот противник большевизма солидаризировался со сталинизмом и встал ему на службу»³⁸.

Судьба этой трилогии, вероятно, подтверждает верность предположения о том, что художественный факт зачастую превосходит своей исторической ценностью факт документальный. Как писал один из основоположников школы Анналов Марк Блок: «За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей»³⁹. По словам Суварина, единственный том их коллективного труда, продолжавший привлекать внимание и вызвавший споры, был том, написанный самим Истрати. И это единственный том из трилогии, который был переиздан 1980 г.⁴⁰, хотя, как пишет Сьюзан Вейсман, ссылаясь на автора предисловия к этому изданию Марселя Мермоза, Суварин действительно написал прекрасно документированный третий том трилогии⁴¹. На момент создания коллективного труда Истрати, Сержа и Суварина вопрос о роли документа в художественном произведении находился в центре внимания многих писателей⁴², ведь сама современная история вновь сделала актуальным понимание роли писателя как «секретаря эпохи» или «историка современности». Истрати был необходим аналитический и журналистский дар Суварина и Сержа для подтверждения выраженной им художественной правды. Однако времена изменились. В наше время художественный текст сам по себе может служить полноценным источником для исторической науки.

---

¹ Verdès-Leroux J. Boris Souvarine: le socialisme à l'épreuve des faits // *Ecrivains de la dissidence*: Pierre Leroux, Charles Péguy, Boris Souvarine. 2 Colloque 1985. Centre Charles Péguy. Orléans, 1985. P. 119–135.

² Там же. С. 126.

³ *Souvarine B.* Panaït Istrati — Portrait of a Rebel // Dissent. 1982. Summer. P. 342–351.

⁴ *Souvarine B.* Staline, aperçu historique du bolchevisme. Paris, 1935.

⁵ На русском языке нет ни одной монографии о Б. Суварине, на французском языке ему посвящены следующие работы: *Jacquier Ch.* Boris Souvarine, un intellectuel antistalinien de l'entre-deux-guerres: 1924–1940., Université Paris X, 1993–1994; *Robrieux Ph.* Histoire intérieure du Parti communiste. Fayard, 1980–1984; *Panné J.-L.* Boris Souvarine: le premier désenchanté du communisme. S. 1. Paris, 1993. — Некоторые сведения можно почерпнуть из текстов самого Б. Суварина, прежде всего его воспоминаний: *Souvarine B.* Souvenirs sur Panaït Istrati, Isaac Babel, Pierre Pascal / Gérard Lebovici. Paris, 1985.

⁶ *Verdès-Leroux J.* Boris Souvarine: le socialisme à l'épreuve des faits. P. 131.

⁷ *Ibid.* P. 120.

⁸ *Viard J.* Une alliance contre le «despotisme» des intellectuels // Ecrivains de la dissidence: Pierre Leroux, Charles Péguy, Boris Souvarine. P. 104.

⁹ Об этом см., например: *Yanakakis I.* Boris Souvarine ou l'intelligence de l'anticommunisme // http://www.denoel.fr/Denoel/PDF/I_Yanakakis.pdf.

¹⁰ *Durandin G.* Les protocoles «annexes» du pacte germano-soviétique: Un secret entretenu pendant cinquante ans // Historiens & Géographes. 2003. N 382. Mars // <http://www.diploweb.com/forum/gdurandin2.pdf>.

¹¹ *Зенкин С.* Жития великих еретиков (Фигуры инога в литературной биографии) // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 123.

¹² *Fabre-Luce A.* Russie 1927. Paris, 1927. P. 264.

¹³ *Viollis A.* Seule en Russie, de la Baltique à la Caspienne. Paris, 1927.

¹⁴ *Beraud H.* Ce que j'ai vu à Moscou. Paris, 1925.

¹⁵ *Duhamel G.* Voyage de Moscou. Paris, 1927.

¹⁶ *Durtain L.* L'Autre Europe: Moscou et sa foi. Paris, 1928.

¹⁷ *Istrati P.* Vers l'autre flamme. La Russie nue. Dix-septième édition / Par Panaït Istrati. Paris, 1929.

¹⁸ *Беньямин В.* Маски времени: Эссе о культуре и литературе. СПб., 2004. С. 274.

¹⁹ *Lafay A.* Témoins d'un temps troublé // Roger Martin du Gard — Georges Duhamel: Correspondance: 1919–1958. Paris, 1987. P. 151.

²⁰ О Панаите Истрати см., в частности: *Суварин Б.* Панаит Истрати и коммунизм // Континент. 1981. № 3. С. 209–222; *Souvarine B.* Souvenirs sur Isaac Babel, Panaït Istrati, Pierre Pascal.

²¹ *Souvarine B.* Panaït Istrati — Portrait of a Rebel. P. 342.

²² Магдалена Маркс вместе с Элен Бриони и Мадлен Пеллетье сама совершила в 1920–1922 гг. путешествие в Россию, о чем поведала в 1923 г. в исполненном энтузиазма репортаже «Это есть наш последний и решительный бой» («C'est la lutte finale!»).

²³ *Souvarine B.* Panaït Istrati — Portrait of a Rebel. P. 346. — В какой-то мере восприятие им сталинского режима связано с личностью Виктора Сержа. Известный оппозиционер в момент приезда Истрати был арестован. Истрати обратился в ГПУ и добился освобождения Сержа. Этот удивительный факт сначала добавил ему веры в большевизм. Однако решающую роль в лишении Истрати иллюзий относительно сталинского режима сыграло дело Русакова, тестя Виктора Сержа. 1 февраля 1929 г. Виктор Серж передал Истрати статью из «Ленинградской правды», в которой Русаков обвинялся как кулак и нэпман, и в конечном счете сравнивался с недавно расстрелянным убийцей. Подоплекой статьи было стремление дискредитировать Русакова, обладателя большой квартиры в четыре комнаты, которую он делил с девятью членами своей семьи. Семья была известна своей оппозиционностью режиму, но главной целью статьи было выселить Русаковых. См. об этом главу «Дело Русакова» в книге Истрати и воспоминания Ж. Дюамеля: *Duhamel G.* Les espoirs et les épreuves: Lumières sur ma vie. V. Paris, 1953. P. 225–228.

²⁴ Письмо от 29 марта 1921 г., цит. по: *Bacot J.-F. Panaït Istrati ou la conscience écorchée d'un vaincu // Moebius: écritures / Littérature. 1988. N 35. P. 95–114.* — Электронную версию см. в Интернет. Режим доступа: <http://id.erudit.org/iderudit/15212ac> (дата посещения: 22.09.2012).

²⁵ Цит. по: *Ibid.* P. 98.

²⁶ *Souvarine B. Panaït Istrati — Portrait of a Rebel.* P. 346.

²⁷ Цит. по: *Bacot J.-F. Panaït Istrati ou la conscience écorchée d'un vaincu.* P. 105.

²⁸ Существует литературный портрет Виктора Сержа, запечатленный французским писателем Ж. Дюамелем в его воспоминаниях: *Duhamel G. Les espoir set les épreuves: Lumières sur ma vie.* P. 225–228.

²⁹ *Souvarine B. Panaït Istrati — Portrait of a Rebel.* P. 347.

³⁰ *Weissman S. Victor Serge: The Course is Set on Hope.* Verso, 2001. P. 122.

³¹ *Souvarine B. Panaït Istrati — Portrait of a Rebel.* P. 348.

³² *Ibid.* P. 348–349.

³³ *Ibid.* P. 349.

³⁴ См., например: А. К. Предатель Панаит Истрати, как агент румынской охранки // Комсомольская правда. 1929. № 245. 23 октября.

³⁵ *Bacot J.-F. Panaït Istrati ou la conscience écorchée d'un vaincu.*

³⁶ *Souvarine B. Panaït Istrati — Portrait of a Rebel.* P. 349.

³⁷ *Ibid.* P. 349.

³⁸ *Ibid.*

³⁹ *Блок М. Апология истории, или Ремесло историка.* М., 1973. С. 18.

⁴⁰ Книга: *Vers l'autre flamme: Après seize mois dans l'U.R.S.S 1927–1928 (Confession pour vaincus)* de Panaït Istrati et Marcel Mermez. Poche, 1980 — является библиографической редкостью.

⁴¹ *Weissman S. Victor Serge: The Course is Set on Hope.* P. 122.

⁴² См. например: *Roger Martin du Gard — Georges Duhamel: Correspondance: 1919–1958.* P. 294; *Leautaud P. Journal littéraire.* Vol. XI. Paris, 1961. P. 327.

Legenkova E. A., Taimanova T. S. Who is the author of “Naked Russia”?

ABSTRACT: The article reveals the attitude of the French left intellectuals towards Russian reality of the 1920s. The article focuses on the figure of Boris Souvarine, French communist of Russian-Jewish origin, member of the Communist International, journalist, historian and writer, who was excluded from the Communist Party and became dissident. Together with the French writer of Romanian origin Panaït Istrati and writer and public figure, Victor Serge (V. L. Kibalchich) they create a documentary fiction which exposes the truth about the Bolshevik Russia.

KEYWORDS: French Communist Party, Comintern, Bolshevik Russia, history, document, testimony.

AUTHORS: *Legenkova E. A.* — Ph. D. in Philology, Head of the German and Romanic languages Department, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences (Saint-Petersburg); ussrrus133@yahoo.com | *Taimanova T. S.* — Ph.D. in Philology, Professor, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg); tstaim@hotmail.com

REFERENCES:

- ¹ *Verdus-Leroux J.* Boris Souvarine: le socialisme a l'épreuve des faits // *Ecrivains de la dissidence: Pierre Leroux, Charles Péguy, Boris Souvarine.* 2 Colloque 1985. Centre Charles Péguy. Orléans, 1985.
- ² *Souvarine B.* Panait Istrati — Portrait of a Rebel // *Dissent.* 1982. Summer.
- ³ *Souvarine B.* Staline, aperçu historique du bolchevisme. Paris, 1935.
- ⁴ *Jacquier Ch.* Boris Souvarine, un intellectuel antistalinien de l'entre-deux-guerres: 1924–1940., Université Paris X, 1993–1994.
- ⁵ *Robrieux Ph.* Histoire intérieure du Parti communiste. Fayard, 1980–1984.
- ⁶ *Panné J.-L.* Boris Souvarine: le premier désenchanté du communisme. S. 1. Paris, 1993.
- ⁷ *Souvarine B.* Souvenirs sur Panait Istrati, Isaac Babel, Pierre Pascal / Gérard Lebovici. Paris, 1985.
- ⁸ *Yanakakis I.* Boris Souvarine ou l'intelligence de l'anticommunisme // http://www.denoel.fr/Denoel/PDF/I_Yanakakis.pdf.
- ⁹ *Durandin G.* Les protocoles «annexes» du pacte germano-soviétique: Un secret entretenu pendant cinquante ans // *Historiens & Géographes.* 2003. N 382. Mars.
- ¹⁰ *Zenkin S.* Zhitiya velikix eretikov (Figury' inogo v literaturnoj biografii) // *Inostrannaya literatura.* 2000. N 4.
- ¹¹ *Fabre-Luce A.* Russie 1927. Paris, 1927.
- ¹² *Viollis A.* Seule en Russie, de la Baltique a la Caspienne. Paris, 1927.
- ¹³ *Beraud H.* Ce que j'ai vu a Moscou. Paris, 1925.
- ¹⁴ *Duhamel G.* Voyage de Moscou. Paris, 1927.
- ¹⁵ *Durtain L.* L'Autre Europe: Moscou et sa foi. Paris, 1928.
- ¹⁶ *Istrati P.* Vers l'autre flamme. La Russie nue. Dix-septième édition / Par Panait Istrati. Paris, 1929.
- ¹⁷ *Benjamin W.* Maski vremena: E`sse o kul`ture i literature. St.Petersburg, 2004.
- ¹⁸ *Lafay A.* Témoins d'un temps troublé // Roger Martin du Gard — Georges Duhamel: Correspondance: 1919–1958. Paris, 1987.
- ¹⁹ *Suvarin B.* Panait Istrati i kommunizm // *Kontinent.* 1981. N 3.
- ²⁰ *Duhamel G.* Les espoir set les épreuves: Lumières sur ma vie. V. Paris, 1953.
- ²¹ *Bacot J.-F.* Panait Istrati ou la conscience écorchée d'un vaincu // *Moebius: écritures / Littérature.* 1988. N 35.
- ²² *Weissman S.* Victor Serge: The Course is Set on Hope. Verso, 2001.
- ²³ *A. K. Predatel`* Panait Istrati, kak agent rumý`nskoj oxranki // *Komsomol`skaya pravda.* 1929. 23 October.
- ²⁴ *Bloch M.* Apologiya istorii, ili Remeslo istorika. Moscow, 1973.
- ²⁵ Vers l'autre flamme: Après seize mois dans l'U.R.S.S 1927–1928 (Confession pour vaincus) de Panait Istrati et Marcel Mermoz. Poche, 1980.
- ²⁶ *Leautaud P.* Journal littéraire. Vol. XI. Paris, 1961.